

ПОМОРСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Составитель Владислав Попов

Книга в журнале

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Кренёв. Стихи, пахнувшие водорослями.....	7
Елена Кузьмина. «Унесли б меня метели...».....	8
Василий Матонин. Тишина из первых рук.....	13
Александр Логинов. Экспансия Белого моря.....	16
Галина Рудакова. Стихи о заречной деревне	23
Татьяна Полежаева. Веркольские заметы	28
Надежда Князева. «Не люблю я Родине споров...»	33
Павел Захарьин. «Когда в душе таится свет...»	37
Татьяна Щербинина. «Тёплая молитва трав...»	40
Илья Иконников. «Полнозвёздное небо крещенское...»	43
Елена Николихина. «Весна ещё закутана в снега...»	48
Ангелина Прудникова. «Я прошла Двину и Енисей...»	50
Владимир Ноговицын. «Мне бы дедову песню допеть...».....	55
Валерий Шабалин. Сельский говорок.....	59
Владислав Попов. Снег.....	63
Ольга Корзова. «Безысходное наше родство...».....	67
Валерий Чубар. «Я умру, наверное, счастливым...».....	70
Марина Вахто. «И ларчик расписной захлопнул крышку...»	72
Ирина Кемакова. Свет золотистого полдня	76

Фотографии писателей — **Владимир Ноговицын**
Фотография на обложке книги в журнале — **Владислав Попов**

СТИХИ, ПАХНУЩИЕ ВОДОРОСЛЯМИ

Название «Поморская поэтическая тетрадь» само по себе всё разъясняет. «Поэтическая» - связанность с поэзией, «тетрадь» - сборник, до краёв наполненный этой самой настоящей поэзией, а слово «поморская» переносит нас на берег Белого моря. Перед нами стихи, пахнувшие водорослями, волнами, карбасной смолой, ароматами прибрежных огородов, свежераспиленной доской, запахами сохнущих на вешалах семужьих неводов и свежестью добрых человеческих отношений.

Все авторы этой миниантологии с детства впитали в одежду, в плоть и кровь морские ароматы прибрежных деревень, все они крепкого поморского корня. Они росли вместе с местным народом, знают его язык - «поморскую говорю», у них - однотипная архангельская генетика, схожий тип лирики, один взгляд на мир, для нас родной и понятный.

Я несказанно рад, тому, что появился этот сборник с чудесным названием «Поморская поэтическая тетрадь», что он приходит в мир российской поэзии и заявляет о себе. Мир от этого становится цветным и душистым. Так бывает всегда, когда в него с радостной и смущённой улыбкой входит целая плеяда неизвестных широкому российскому читателю талантливых писателей.

*Павел Кренёв,
заместитель председателя Союза писателей России,
лауреат Патриаршей премии им. С.Ф. Аксакова*

«УНЕСЛИ Б МЕНЯ МЕТЕЛИ...»

* * *

Прервём же вечный плач о саде!
В окно смиренно поглядим:
бетонный двор, гараж, за ним
постройка старая в распаде...
Земля в отсутствии садов
лелеет жалкую былинку,
как непутёвую кровинку
хранит от стужи и ветров.

И мы в открытый настезь храм
несём лишь травы полевые.
И ветры с привкусом полыни
разносят ладан по углам.
Берёзы ветка, без прикрас,
чуть отдаёт дорожной пылью.
Но ведь с охапкой белых лилий
Господь и не узнает нас.

* * *

Настезь, настезь ворота! Встречайте, бегите скорей!
Дождались! А не верили, зимние книги листали.
— Где весна? — вопрошали. —
Где забывший про Север апрель?
Где грачиные, первые, сей год неверные, стаи?

Всё плохое уже позади. Солнце светит и нам.
Пробивается в окна, и в двери, и в щели заборов.
Нищету своих улочек к царским положит ногам —
чем богат, тем и рад — опьяневший от радости город.
Верба здесь под окошками провинциально цветёт.
Городок с ноготок невелик, небогат, а приметен...
Царь идёт. Царь по улице тихо идёт.
И Его славословят с весенними ветками дети.

От небес, куполов — голубой этот день, золотой.
Только счастье сулит, только счастье одно — не иначе...
Плачет Царь. И лицо закрывает рукой.
Дует ветер с реки. Солнце яркое. Вот Он и плачет.

Может быть, может быть, и не стоит сей город любви,
Сотни лет неизменный в печалях своих и веселье...
Вот и снова беспечно шумят под стрехой воробьи.
Веселись, городок, под чечёточный выход капли!

А у врат городских тишина — ни калек, ни бродяг...
Только чуть в стороне, на проталине возле рябины,
рот открыв, на осла смотрит старенький Митька-дурак
и растерянно гладит ослиную тёплую спину.

ПЕЛАГЕЯ

Памяти Фёдора Абрамова
и его героинь

А по северным рекам стояли тогда деревни.
Не были берега кисельными, реки —
молочными.

Чтобы жизнь текла и земля
не твердела кремнём,
Работали бабы денно и ночью.
Пели, бывало, сердца грея,
Мужиков вспоминая, отданных военному лиху,
И жила в деревне одной Амосова Пелагея,
Золотоволосая пекариха.
Статью слыла богатырской, а как же иначе.
Без богатырской стати
столько хлеба не выпечешь.
Хлебную буханку, как младенца,
надобно вынянчить,

А буханок тех — тысячи!
Слава о хлебе Пелагеином шла повсеместно,
Из дальних краёв приезжали,
Христа ради просили,
И кормила Пелагея хлебом
все деревни окрестные,
Врать не буду, может, и пол-России.

Ветер из века двадцатого приносит скупю
Запахи клевера сладкого, чаще — полыни.
Была мне в юности Пелагея,
что гамлетовская Гекуба,
Прочитанной книги литературная героиня.
Когда и выросло мифа сего золотое дерево?
Не заметила — неба коснулось ветвями.
Вижу: идёт Пелагея с работы в свой терем,
Травы ночные стелются под ногами.
Ныне дни убывающие считая скаречно,
Поминаю её со сродники, душой светлею:
Упокой, Господи, в селениях праведных
Пекариху абрамовскую, Амосову Пелагею.

НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Бесконечный погост на уго́ре —
Лихолетий военных печать.
Ты сегодня вернулся героем,
И живые все вышли встречать.
И считали мальчишки медали
На груди на геройской твоей,
И старухи глядели с печалью,
И некстати запел соловей
По счастливой когда-то привычке.
Но застуженный ветер не стих,
Полоскался голубенький ситчик
Вкруг озябших коленей моих.
Холодком обнимала рябина.
И, когда замолчала родня,
Словно тысячи вёрст до Берлина,
Стали десять шагов до меня.
Отголоском последнего боя
Гром небесный вдали отгремел.
У ворот, где прощались с тобою,
Ты в глаза, наконец, посмотрел.

И шинель, улыбнувшись беспечно,
На виду изумлённой родни,
Мне набросил на слабые плечи,
На неверные плечи мои.

* * *

Все цветы луговые уже отцвели.
Пышным травам душистым — и тем вышел срок.
Живы нищие травы, что в летней пыли
Беспrijутно теснились по кромкам дорог.

Их умыли дожди. И, смотри-ка, стоят
В непривычной для них, небывалой чести.
Но лопух подорожный, бывалый солдат,
Продолжает нелёгкую службу нести.

По распути идёшь — чуть кивнёт головой,
Как знакомый по прежним, по детским годам.
Мол, по нам и ступай, нам терпеть не впервой,
Для того и расти здесь положено нам.

Так и шла я когда-то со школьной сумой,
А до школы просёлками долго шагать!
И вела еле слышно беседу со мной
Придорожная стойкая нищая рать.

Про смиренность-терпенье, про светлый покров
Толковали мне травы в конце сентября.
И душа понимала значение слов
Из — тогда неизвестного ей — словаря.

* * *

День зимою был захвачен,
Листопад сторел дотла.
По дороге белой кляча
С кукурузой воз везла.

Над зелёно-жёлтым грузом
Колыхался снежный пух.
Нам хотелось кукурузы,
Мы стихи читали вслух.

И учительница пела
Пушкинский великий стих
Еле слышно, неумело
На романсовый мотив.

Улыбалась нам смущённо,
Отирала слёзы с глаз,
Подпевал замороженный,
Удивлённый третий класс.

За окошками темнело,
Наступали холода...
Если бы она не пела,
И не плакала тогда —

Унесли б меня метели,
Эти бури, Боже мой!
Если бы тогда не пели
Мы с учительницей той.

Прожила бы я иначе
В стороне совсем другой,
Где давно никто не плачет
Над пиитовой строкой.

Без спасительного слова,
В чередё докучных дней,
Без товарища милого
Бедной юности моей.

В неродной, чужой сторонке
По дороженьке пустой
Повезла б меня клячонка
Да на вечный непокой.

ТИШИНА ИЗ ПЕРВЫХ РУК

* * *

Север — серого цвета:
От серебряных льдин
До неяркого лета
И прозрачных глубин,
От бездонных просторов
Тёмно-синих небес
С облаками, в которых
Скрыт сиреневый лес,
До легенд Беловодья.
Сквозь тяжёлый туман
Уходили сегодня
Корабли в океан.
Проникающий всюду
Млечный солнечный свет
Я ни в ком не забуду,
Даже в тех, кого нет.

* * *

— Что такое Соловки?
— Это камни, дождь со снегом,
Шаг, сменяющийся бегом,
Если Вы ещё легки.
Небо — в море, лабиринты,

Запах гарей прошлых лет,
Цвет пожара и обиды,
И солёный вкус побед.
Немигающие взгляды
Из бойниц, как из глазниц,
Многолюдные парады
Прилетевших с юга птиц,
Тишина безглавых храмов,
Немота глухих ночей.
— Остров чей стоит, Салтанов?
— Нет, товарищи, ничей.

* * *

Дождь по земле идёт.
Капает лунный свет.
Верил, что это мёд.
Знал, что, конечно, нет.
Бдений ночных следы
Скроет морской прибой.
Хватит ли мне воды,
Чтобы доплыть домой?
Громче пространства гул
Слышу в глухих местах.
Арфа — на берегу,
Музыка — на устах.

* * *

Хрустальное солнце разбилось
И северный ветер подул.
Тепла мимолётная милость
Осталась на том берегу.
Повеяло мыслью осенней
Над чёрной остывшей рекой.
Я вдруг осознал, что спасенье
Похоже на вечный покой.

* * *

Из поднебесной тишины,
Пылая заревом рассвета,
Плывут несбыточные сны
Движеньем утреннего ветра.

Морской прилив на берегу,
Густое облако над мысом —
Всё воплощается из мысли,
Непостижимой на бегу.

* * *

Ну, вот и зима наступила!
Из окон течёт белизна,
И я забываю, что было,
Как после болезни и сна.
Дымок розовеет над крышей,
Деревья растут в глубину
Небесную. Выше и выше,
Как будто уходят ко дну.
Былое быльём порастает.
Корнями нас держат дела.
А снег непременно растает
Для тех, кто дождётся тепла.

* * *

Рядом, отроче, рядом
С Соловками Господь,
И под любящим взглядом
Согревается плоть.
Я от радости плачу,
Что мне выпала честь
Потрудиться, тем паче —
Упокоиться здесь

* * *

Соловки уходят в зиму.
Небо падает на дно,
И молчит невыразимо
Небо с морем заодно.
Дышит ладанка, витает
Сладкий дым вокруг креста.
Снег ложится и не тает.
Даль прозрачна и чиста.

* * *

Шлю тишину из первых рук,
И темноту морозной ночи,
И неба звон, и ветра звук,
И даже розу между строчек.
Под рыжим светом фонаря —
Сиянье розового снега,
Упавшего с седьмого неба
В ночь на седьмое января.

Александр Логинов

ЭКСПАНСИЯ БЕЛОГО МОРЯ

* * *

Не бояться лицо потерять,
Не бояться в веках затеряться,
Даже если неймётся — молчать,
Чтоб хотя бы в себе разобраться.

Разрывая пространство стиха,
Улыбнуться светло, беспечально,
Душу вывернуть, дать петуха —
И опять погрузиться в молчанье.

Александр Логинов родился в городе Мончегорске Мурманской области. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (1984). Автор 8 поэтических книг. Стихи представлены в антологиях: «Любимые дети Державы», «Крым в русской поэзии», «Здесь начинаются дороги» — писателей стран Баренц-региона, «Русская поэзия, XXI век». Живёт в городе Каргополе Архангельской области.

Никому, ничего, никогда...
Быть незримым и неуловимым.
И свои не сдавать города,
Даже женщинам нежно любимым.

СЕВЕР

Мы братья с ним. Хотя я тоже сед,
Но перед ним не больше, чем мальчишка:
Любитель юшки, мелкий рыбачишка,
Ловец удачи — словом, не аскет.

Мне нужен дом под крышей и очаг.
Нужна еда — не яства сплошь, но всё же...
В морозы — чтоб шубейка на плечах,
И сапоги на случай бездорожья.

Я загодя, в преддверье холодов,
Рублю дровишки, конопачу щели...
Минуты — в дни, а там и дни — в недели.
Но нет для песен подходящих слов.

И вот когда осточертеет быт,
И прочий вздор — иду к таёжным схранам,
Где сиверко сопит в еловых кронах
И глухо, и простуженно ворчит.

Но мне плевать на хляби ноября!
И пусть предзимье нынче затянулось,
Сырое небо источает снулость —
Иду — свищу. Свищу во все края.

А Север — то за мною по пятам,
То забегает чуть вперёд — он всюду.
Глядит в глаза, тоскливо, как зануда,
Упорно повторяет по слогам:

«Не слишком ли беспечен ты, мой брат,
в преддверье надвигающейся стужи?
Простуженный — кому ты будешь нужен?
Жизнь просвистишь — кто будет тебе рад?»

Давай-ка посидим у костерка.
Сегодня одиноко так и зябко.
К тому же Арктика, родная наша бабка,
Грозилась припугнуть тебя слегка.

Да и меня, признаюсь, довела
До ручки эта слякотная сырость...»
И через миг над головою взвилась
слепящая, клубящаяся мгла.

И холодок по сердцу пробежал,
Взорвалась тишина в ушах со звоном.
В лицо вонзились миллионы жал,
Лес огласился воплями и стоном!

О Господи, помилуй и спаси!
Из круговерти злой, из мглы белесой
Опять явились пушкинские бесы
Со всех дорог завьюженной Руси...

Но я уже затеплил огонёк,
Отвоевав у ледяного мрака
Тепла вполне приличный уголок.
— Ну, пошалил. Иди ко мне, однако.

Всё улеглось. И дьявольский оркестр
В футляры спрятал жалобные скрипки,
И Север с виноватою улыбкой
Спустился с прояснившихся небес.

И многое при свете костерка
Я разглядел в туманных очертаньях...
Меня ласкала мамина рука,
Отцовский взгляд — и тихий, и печальный.

«Всё это — я», — мне Север прошептал,
дыханьем лёгким щёк моих касаясь...
Я погружался в сон, словно в провал,
В бездонный омут, выплыть не пытаюсь.

Я понимал: забвенья больше нет.
Да, есть уход. Но есть и возвращенье.

Мир соткан из великих превращений,
И жизни гимн — он всё ещё не спет.

Как глубоко и ровно дышит лес!
Вот — я, вот — Север, вдаль и вширь — Отчизна...
...И если бы не призрак глобализма,
идуший к нам с косою наперевес...

АНТРАЦИТНЫЙ ПАУК

В это трудное лето не плавился воск,
Превратились в кремень поминальные свечи,
запечалились кроны у русских берёз,
Каждый вечер дышал ветром чуждых наречий.

... И над всем зависал антрацитный паук,
И, как только звезда Вифлеема погасла,
Из космических бездн он явился на звук
Утомлённого сердца земли.

И напрасно
осенял я крестом эти доли и лес.
Бог воздал за бездарное время цветенья:
И теперь ни цветов, ни плодов,
а с небес
Опускает паук паутину забвенья.

Стали выси черны, и слеза солона
покатилась по склону ночного нагорья.
...Но к концу сентября я поднялся со дна
Как из угольных шахт поднимается горе.

Запеклись мои губы. Глаза выжег зной,
И тростинка души в небеса прохрипела:
— Возвратите мне Родины свет золотой!
Отпустите на волю и Слово, и Дело!

Но пока не остыл луч Христовой звезды,
И живёт ещё память в моих хромосомах —
Соловьи, жаворонки, синицы, клёсты —
Всё поющее, звонкое —
Снова и снова
Из корпускул безвременья,
Пепла тщеты

Восстаёт, разрывает паучьи тенёта.
Быть тебе в адских безднах, король нищеты,
На тебя объявляю охоту!

...Восьмиглазый,
ты прячешься в рыжей траве,
мохноногий —
В листве, опалённой багрянцем.
Но тебе не достать меня,
Чёрной вдове!..
Я сквозь осень иду,
И не надо ривьер
Лигурийских морей.
И лежат в моём ранце
Шифровальные доски, цифирный расчёт.
Как последний солдат уходящего лета,
Понимаю, что мне не положен почёт
Караульной листвы.
Мне б успеть до рассвета
Залатать эти дыры
Разверзшихся сфер,
Укрепить над землёй моей звёздную крышу!
И да сгинет мохнатое племя химер,
и последний приют свой найдёт Агасфер,
И я Божие Слово услышу...

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЦА

В неоглядной России, в перелётной России моей
Жизнь неплохо я прожил —
Без высоких хором и без щедрых, богатых друзей,
без завистливой дрожи.

Я летел вместе с ней в сумасшедших её поездах
От вокзала к вокзалу,
Портвешком заливая под сердцем таящийся страх —
И она это знала.

Но поделатъ со мной ничего, ничего не могла,
Перелётная птица.
Только взгляды бросала тревожные из-под крыла:
Вдруг плохое случится?

Ничего не случилось. Просто кто-то вдруг дёрнул стоп-кран:
— Не туда, братцы, едем!
Расплескался портвейн, и разбился гранёный стакан,
И проснулись соседи.

Вышел в белую ночь. А народищу — Боже ж ты мой! —
И все — как онемели.
В чистом поле стояли, как я — сирота-сиротой.
А составы гудели.

И вблизи, и вдали, и за далью — на все голоса,
Просто с дьявольским остервененьем.
Зазывали назад пассажиров своих поезда...
Но волшебное пенье

Проливалось с небес. И спускалась на землю светло
Серебристая птица.
И один за другим мы взошли на тугое крыло.
Каждый смог разместиться.

Мы опять обживали пустые свои города,
Поднимали вновь пашни,
И растили детей, и сажали их на поезда —
И нам не было страшно.

...Высоко-высоко Птица-Русь над землёю парит —
Величаво и гордо.
Отчего ж моё сердце всё чаще и чаще болит?
Отчего мне так горько,

Если всё позади — эти стоны осипших осин,
Вьюг морозные осы?...
...Я очнулся и вздрогнул. Вращалась небесная синь.
Грохотали колёса.

В этом общем вагоне гуляли всю ночь дембеля —
Наши воины и наши дети.
И с пугающим свистом неслась за окошком земля.
И в мерцающем свете

Я увидел Его. Он припал к материнской груди.
Ах, как сон Его сладок!
Не срывайте стоп-кран, что бы ни было там, впереди,
Не срывайте. Не надо!

ЭКСПАНСИЯ БЕЛОГО МОРЯ

Вечер бревенчатый. В чёрном кафтане
Бродит за окнами ночь-холодрыга.
Ветер угрюмую песню затянет —
Зверь отзовется измученным рыком.

Страхи сбиваются в стаи, как гунны,
Но оттого не становятся зримей...
Только и слышится хохот чугунный
В поле, где зреет предутренний иней.

К вёдру! — коль верить народным приметам.
Поле вспылало от края до края!
Перекликаются капли рассвета
В травах, алмазною кровью играя.

Вскинешь глаза. По лучу золотому
Вестник скользит словно канатоходец.
В окна стучит. Вызывает из дому:
— Эй, просыпайся, пугливый народец!

Эй вы, рязанские, вятские парни —
Время покинуть вам русское гетто.
Вон в облаках проплывают попарно
Лодьи поморов, гружённые ветром.

В солнечных брызгах трепещут рубахи,
В лодьях гудят просмолённые доски.
Кормщики зорки.... И пятятся страхи,
Прячутся в сумраке улиц московских.

Поздно! Уже по дорогам и весям
Двигается, гулу небесному вторя,
Вольноголоса рассветная песня —
Это экспансия Белого моря!

Вот и дождались вы светлую силу.
Лик свой просуньте в окно зоревое:
Дышит, гуляет, качает Россию
Белое-

белое

Белое море...

СТИХИ О ЗАРЕЧНОЙ ДЕРЕВНЕ

* * *

О родине печаль неутолима...
Опять иду, волнением томима,
Искать слова —
 то в поле, то к реке,
За стаей птиц, что ветрами гонима,
И слово, словно
 посох пилигрима,
Сжимаю зачарованно в руке...

И слово, что ещё в душе таимо,
Вдруг вырвется на свет
 неумолимо,
Поднимется, как лилия со дна,
И видишь вдруг: усыпано цветами
Всё озеро души,
 чьё имя — память.
А в нём ещё такая глубина!..
А вот звездою
 слово замерцало,
И ожило озёрное зеркало,
И сотней бликов вдруг отозвалось.
И ближний берег
 с жёлтыми стогами,
И тихий свет ромашек
 над лугами —
Всё в это слово тихое
 сплелось.

Так перелески бегут по лугам...
Но от себя убежать невозможно.
В пору безвременья и бездорожья
Кто-то останется у очага.

Кто-то поддержит горенье огня
В сердце своём и в оставленном доме,
Кто-то, возникнув в оконном проёме,
Будет стоять в ожиданье меня.

ЗА РЕКУ

Вниз спустилась — и скрылись огни
Деревенских окошек приветных.
Под крылом леденящего ветра
Лишь они греют нас, лишь они.

А в душе намерзающий лёд
Не растопят и ливни косые:
Исчезают деревни в России,
Словно птицы, убитые влёт.

Жизнь темна, словно путь по реке
В полумраке, от вежи до вежи,
И, как видно, придётся уехать —
За надёжной «синицей в руке».

И пребудет в печали земля.
А уедешь — во сне будет сниться
Та, дрожащая в снежных полях,
Невесомых огней вереница.

Это к ней по непрочному льду
И в метели боясь заблудиться,
Я по тающим звёздам иду,
Что мерцают
на мокрых ресницах.

ВЕРКОЛЬСКИЕ ЗАМЕТЫ

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Где родился, там и содился
Поговорка

1
Как пошли бы мне, представьте,
царь, царевич, царский двор,
жемчуга и бархат платьев,
царский головной убор,
лошади, карета, свита
войны, казни и пиры,
да колечко с малахитом —
камнем тайны и игры.

2
С кочки на кочку —
не вышла росточком,
под кустик, в домишко —
не царский умишко,
захочешь напиться —
в болотце водица...
А в дальних-то царствах
что и творится!
а в дальних-то царствах
крики да плачи,

да смерть в чёрно-красном
над каждым маячит,
а здесь-то, в низине —
трясина, осока...
захочется прыгнуть,
так что ж — невысоко!
Захочется в небо —
глядись в озерко.
Всё б ладно... да, сердце —
ему нелегко,
оно разрослось,
упирается в грудь
и каждым ударом:
«Царицею будь!»

3

До того как мне родиться,
царь-Кашей уже был зол
он лягушкой, не царицей
чадо видеть предпочёл.
Мол, найдёт тебя в трясине
царский сын — тому и быть!
Не найдёт — всю жизнь отныне
будешь сырый мох любить.
Жизнь прошла — сажу в болоте,
сердце бьётся на стреле,
двадцать лет она в полёте,
и по капле двадцать лет
заливает всё болото
алой клюквой моя кровь.
Не спешит царевич что-то
мне явить свою любовь.
Ну, и слава-слава Богу,
что излишек в царстве стрел.
Если б он нашёл дорогу,
край бы мой осиротел.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВРАЛЬ

Деревенский враль сидит с гармошкой,
худоба ладоней и лица
так остра, что вроде под одежкой
тела не бывало у певца.

Немудрёной, но лихой по сути
песней, что он за столом поёт,
он и врёт — не врёт, не обессудьте,
он своё на части сердце рвёт.

Это наш российский принц — не датский,
подомской Офелии жених,
Кто его не знает по повадке
исказать «высоким штилем» стих?!

Зачастую пьяный и голодный,
чуб волной, медовые уста —
враль кому-то, нам — артист народный —
без него в застолье — немота!

Я к таким вовек равнодушна
и сама беспечною из них,
нам в одеждах царских скучно, душно
и легко в веночках полевых.

Обниму всем сердцем гармониста:
— Ах, дружок, играй, не суетись!
Без тебя — народного артиста —
никуда не годной стала б жизнь!»

ВЕРКОЛЬСКИЕ ЗАМЕТЫ

ДОРОГА К ЦЕРКВИ СВ. ОТРОКА АРТЕМИЯ

... Маячила церквушка вдалеке,
бежал по полю ветер и, взлетая,
гнал грозовое облако к реке,
псалтырь небесный молнией листая.

А нас, седых, что неразумных чад,
склонял к цветам и ко кресту с поклоном...
и каждый был тому поклону рад
на вековом святом лугу зелёном.

Склониться перед Отроком святым —
что перед детством ангельски безгрешным...

и вот у сердца замерли цветы
и вспомнилось, как бабушка неспешно

крестила на ночь: — Господи, храни,
не допусти стать внуку иноверцем...
Да будут незабвенны эти дни —
дорога к церкви, дождь и память сердца.

ПЕСНЬ

Софье Брусникиной

В огромном храме вековым,
где у святых так скорбны лица,
взметнулась Песнь — и в горле ком —
нет сил ни плакать, ни молиться.

Глядят в глаза с облезших стен
святые — сырые калеки —
закончен ли их страшный плен
с ушедшим сумасшедшим веком?

Но Песнь молитвы, что летит
под купол в сумерках кромешных, —
отраднa! Господи, прости,
прости беспамятных и грешных...

В УСПЕНСКОМ ХРАМЕ

Никак не идёт из заблудшей души
обряд православный церковный,
что слышала я в монастырской глуши
о святых Петре и Февронье.

В восставшем упрямо из небытия,
цветами украшенном храме,
творилась молитва, лилась Лития,
и слава неслась над хорами

Петру и Февронье. «Совет да любовь» —
лилось христианским заветом...
А я удивлялась всё: — Столько цветов
июль дарит северным летом.

И всё отвлекалась на эти цветы,
мне было тогда не по силам
молитвой сердечной достичь высоты
Февроньи ... О, если б омылась

живою слезой покаянной душа
по милости вечной Господней,
насколько бы легче мне стало дышать...
О том же молю и сегодня

всё в том же, зашитом в щиты и леса,
и убранном скромно цветами,
хранящем молебна того голоса,
Успенском торжественном храме.

ЗАКАТ

Чем меньше дорогих и близких рядом
и чем безлюдней, одиноче дом,
тем невозможней оторваться взглядом
от тающего солнца за окном.

Чем больше лет, тем ближе горизонты —
не надо, задыхаясь, к ним лететь.

Вдруг понимаешь:

жизнь прошла экспромтом,
и, видимо, экспромтом будет смерть.
Когда под ней протяжно половица,
в крылечке ветхом охнет и вздохнёт,
я знаю, что смогу лишь удивиться —
и это всё?... А солнышко зайдёт.

Надежда Князева

«НЕ ЛЮБЛЮ Я О РОДИНЕ СПОРОВ...»

* * *

Мы все из детских сказок родом.
Душа легко летит туда,
Где подступает к огородам
Весною шалая вода.

А в избах солнечно и сухо.
Рядком лежат половики.
Хозяйка, добрая стряпуха,
Печёт с картошкой пироги.

Убравшись дальше от ухвата,
В тепле разлётся рыжий кот.
А самовар, блестя пузато,
На все лады свистит-поёт...

Навеки в сердце эти годы.
И никаких сомнений нет,
Что жизнь — не более чем всходы
Семян из давних детских лет.

ДЕД

Светлой памяти моего деда

Был суров. И только по субботам,
После бани, млел:
— Налей, дружок!..
Не любил, когда калитку кто-то

Надежда Князева родилась на Валдае. По образованию — учитель иностранных языков. Более 25 лет работала в Наводовской основной школе Шенкурского района Архангельской области. Автор пяти сборников стихов.

Забывал закрыть на вертужок.
Не терпел рубашек без кармана:
«Перво дело для мужицких дел!»
А от лжи иль малого обмана —
Даже трезвый попросту зверел.
Бабушку любил самозабвенно:
«В доме это главное — жена...»
Добрым был с ней, ласковым —
наверно,
Знал, что и она ему верна.

Овдовев, хозяйства не нарушил.
Но, «за жизнь» беседуя с котом,
Изливал потерянную душу
Как-то обречённо...

А потом

Говорил, с трудом вдевая нитку
(Боже, удержи меня от слёз!):
— Все уйдём когда-то
за калитку...

За реку... За этот свет берёз...
И ушёл за ней,
как та же нитка
За иглой, за день до Покрова.
Дождик сеял...
Хлопала калитка...
И с берёзы сыпалась листва...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Луг, давным-давно
не кошенный.
Огороды с лебедой.
И колодец позаброшенный
С застоявшейся водой.
Две избы, до срока
сгнившие
Без хозяйских крепких рук,
Да черёмухи, притихшие
От безмолвия вокруг.
Только речка
мерно катится
Меж заросших берегов.

Даже эхо не спохватится,
Что забыло звук шагов.
Болью в сердце
 та суровая
Отзовётся тишина:
Что там эхо
 бестолковое —
Спohватилась бы страна!

ГРИБНАЯ ПОРА

Гроза пронеслась над столбами,
И в крыше — забытая течь.
Запахло в округе грибами:
Затоплена русская печь.
Впервые за тёплое лето
Дымочек поплыл из трубы.
Причина не в том, что нет света,
Причина важнее: грибы!
А запах!..
 Забыл этот запах —
Полжизни, считай, потерял.
Дворняга на задние лапы
В порыве восторга привстал
И водит отчаянно носом,
Хвостом в возбуждении вьёт:
Был лес до сих пор под вопросом,
Теперь — спозаранку — вперёд
И в бор, и в глухое болото...
Хоть кто-нибудь
 взял бы с собой!
Эй, люди, как жить-то охота!
И хвост — как дымок над трубой.

БАБКА АННА

С утра ольховые поленья
Толкает в треснувшую печь
В привычных поисках забвенья
От дум печальных...
 Не сберечь
Тепла в избе, давно прогнившей,

И дыма горница полна.
Махнув рукой («уже привыкши»),
Сотрёт слой сажи с чугуна,
Намоет несколько картошин
И сунет в печь.

И так — сто лет...

В окне — темно: опять пороша.
Опять засыпан каждый след
Тропинки узкой. Домоседке,
Ей без печали это.

Вот

Едва бредёт почтарь к соседке.
Каку-то весточку несёт?..

Согрелась вроде бы немножко:
Чаёк с дымком, что царский пир.
А в хрупком инее окошко —
Теперь, считай, окошко в мир.
И как-то сразу задремалось,
И редкий сладостный покой
Прильнул к душе...

Что — жизнь? Промчалась,
Как вихорь снежный над рекой.
Ветра лихие отсвистали,
И закрома надежд пусты.

А на дырявой чёрной шали —
Всё те же красные цветы...

* * *

Не люблю я о родине споров,
Да и истину знаю одну:
Я у северных наших
просторов

С ранних лет
в добровольном плену.

Здесь знаком мне
и памятен каждый

Муравейник в сосновом лесу.
Даже если уйду я однажды,

Всё равно я
с собой унесу
Трепет рощи
за дальним оврагом,
Первый иней
на гибкой ветле
И такое короткое благо —
Жить на этой
священной земле...

Павел Захарьин

«КОГДА В ДУШЕ ТАИТСЯ СВЕТ...»

ИЗ ДЕТСТВА

Ёлки машут лапами,
Зазывают в лес.
С мамами да с папами
Я в лесу исчез.

Собираю спелые
Ягоды-зарю.
Солнце розой белою
Теплит грудь мою.

Вкруг леса дремучие,
Тучи комарья.
Под лучами жгучими
Греется земля.

Жёнки в хвойных вырубках,
Скутавшись в платки,
Ягодка за ягодкой
Полнят туюски.

Окликают в очередь
Всяк своих мужей.
Сами будто дочери
Мудрых ворожей.

Дорожат обителью
Ворожбинных снов.
Крестятся святителю
Северных лесов,

За дары сердечные
В помочь живота.
Страдницы вы вечные,
Дай вам Бог добра.

После грузно с ношами
В уходящий зной
С лицами хорошими,
Правят путь домой.

* * *

Когда в душе таится свет,
Когда все думы о высоком,
Проблем особых в жизни нет —
Они проходят как-то боком.

Им просто не к чему пристать,
Им даже некуда спуститься:
Кругом покой и благодать,
И Божий свет с небес струится.

* * *

Обрадела природа. Глас Божий
Долетел до округи моей.
С каждым днём я спокойней и строже,
С каждым днём эта жизнь мне милей.

День за днём мужики-прихожане
Храм возводят из брёвен, светясь.
Мимо храма проходят миряне,
Всяк по-своему втайне молясь.

Верят, смертные, в божие чудо,
Ибо быт их тяжёл и дремуч.
И чтоб не было вовсе им худо,
Пробивается свет из-за туч.

РАССВЕТ

Опустились туманы белые
На просторные дали озёр.
Сенокосные травы спелые
По земле расстелили ковёр.

Тишина... И расцвет пробужденья!
Моют птицы свои голоса.
И с каким-то лихим упоеньем
Косит росные травы коса.

Сердцу всё здесь до боли знакомо,
Я в раздольном краю этом рос...
Обветшалые избы-хоромы,
Молодея, глядят на покос.

И крестьянским чутьём потаённым,
Разливаясь в лазоревый свет,
Остаюсь я навеки влюблённым
В этот добрый и мудрый рассвет.

ЭЛЕГИЯ

С высоты, серым небом томящей,
В виде капель, рассеянных ветром,
Сыплет дождик на нас морозящий,
В стиле тихой мелодии ретро.

Опускается дождик на зданья,
На прохожих и на тротуары,
И в масштабах сего мирозданья
Где-то слышится голос гитары.

Может, нежность Господня это,
Может, тайное осени свойство.
Бродит дождь по окраинам лета,
Остужая души беспокойство.

Татьяна Щербинина

«ТЁПЛАЯ МОЛИТВА ТРАВ...»

* * *

Тёплая молитва трав.
Колокольчиковый купол.
Землю круглую обняв,
Я лежу с улыбкой глупой.

Надо мною — облака,
Небо — нежное блаженство.
И ромашка у виска
Ворожит о счастье женском.

Хорошо мне! Хо-ро-шо!
Вся душа — июльский полдень.
Радость солнечным ковшом
Я зачерпываю полным.

Лето ласково обняв,
Я лежу, и дышит рядом
Тёплая молитва трав,
Лепет северных цикадок.

Деревня. Ночь. Костёр на берегу.
И небо — на закате золотое.
Смотрю — налюбоваться не могу
Торжественной и тёмной красотой.

Мерцает обнажённая река.
Так медленно к костру подходят кони
И смотрят на огонь издалека,
И хлеб берут с протянутой ладони.

Глаза коней печальны и умны.
Так близко звёзды! Тишина такая.
И кажется, что мысли не нужны.
Другого счастья в мире не бывает.

ДВА ПРАДЕДА

История — тёмное дело.
По воле судьбы у меня
Два прадеда — красный и белый,
Два сердца, два грозных огня.

Один — голоштаный Петруха —
Мечтатель, подвешен язык.
Плевались по Тойме старухи
Вослед: «Сотона, большевик!»

Смотрел он сурово и жёстко,
Но совесть, как видно, была:
Ушёл, не стерпев подразвёрстки,
На фронт из родного села

И сгинул в кипящем пространстве,
Оставив детей и жену,
«От голода и от тиранства»
У белополяков в плену.

Второй не рассказывал байки.
С холодным азартом в глазах
Лупил комиссаров нагайкой
Упрямый уральский казак.

И также безвременно сгинул
В степи, посреди ковыля —
Прадедушка Фёдор Щербинин —
За веру, за Русь, за царя.

Не знаю я, кто из них прав был.
Теперь до скончания дней
Два прадеда — белый и красный
Отчаянно спорят во мне.

Свинцом да железом калёным
История нам воздаёт.
Свеча у разбитой иконы.
Россия. Семнадцатый год...

БЕРЕГ

...Смотрю на горячие травы и глаз не могу отвести,
Мой берег заброшенный, правый, высокий, до неба почти,
Как песня старинная, длинный (Россия — судьба набекрень!),
Лишь брёвна, да ржавая глина, да тени родных деревень.
От светлого хочется плакать, кого ж тут спасёт красота,
Но красный ободранный бакен плывёт, не покинет поста.
Стою на последнем пароме, смотрю на далёкий угор,
Где мамин зелёнький домик и ласточки режут простор.
Я знаю: мгновенье — и снова огромный потянет магнит,
Песчаною низкой подковой обхватит, сожмёт, полонит —
Тот, левый — большая дорога, зудящая масса людей,
Там тоже живётся убого, но чуточку всё ж веселей.
На палубе ветер противный, коричнево волны кипят,
Смотрю и смотрю неотрывно пока ещё можно — назад.
Штыками оставшихся елей небес охраняя гранит,
Мой правый, не сдавшийся берег,
как Брестская крепость стоит.

МАЛЬЧИКИ

Сидят они, прижавшись скромно к стене,
планшетики, джинсы, китайские свитерки,
по-щенячьи тычутся в кабинет,
спрашивают: «надо снимать носки?»
А в перекур гогочут дружной толпой,
трясётся деревянный военкомат...

Год рождения — 97-ой,
эти цифры что-нибудь говорят?
Статистика — куда уж там веселей,
из черепков не сложишь новой страны,
единственные дети из неполных семей,
мама с папой давно уж разведены.
«Отношение к спиртному?» — «Нормально!» (такая жизнь),
«Куришь?» — «...хватает на день...» — «Как наркота?»
Но на вопрос: «Хотите ли вы служить?»
большинство отвечают «да».
Старый психиатр, служака, исподтишка
в седые усы усмехается всякий раз,
когда на вопрос: «В какие хочешь войска?»
какой-нибудь тощий очкарик твердит: «В спецназ!»;
мол, лопату — в зубы, на шкуре своей сполна
прочувствуешь армейское бытие...
Гопники, отчаянная шпана,
надежда России, будущее её,
слава и гордость... так что же не по себе,
смотрю им в глаза — а в горле стоит комок?
едва темнеет пух на верхней губе,
мальчики, дорогие...
...храни вас Бог!

Илья Иконников

«ПОЛНОЗВЁЗДНОЕ НЕБО КРЕЩЕНСКОЕ...»

Болото спелой клюквой пересыпано,
Набрал баул — и впору уходить,
Да шепчет жадность, прорва ненасытная:
«Не мог с собой ведёрко прихватить! —

То мхи облазишь — говорить не хочется,
Что взял. А нынче — вся удача тут,
И ягода сама в ладони просится!
Её ж другие мигом оберут!»...

Ничуть не жаль!.. Я строю планы новые,
Где ждёт иной, неведомый поход,
А бусины, рубиново-бордовые,
Взглянув на небо, отправляю в рот...

Летит сорока — гамом душу радует,
Сидят опята на зелёном пне...
И хорошо, что завтра эти ягоды
Достанутся кому-то, а не мне.

* * *

Октябрь. Перекопаны поле и грядки,
В сарае — дрова в образцовом порядке,
В кладовке — варений, компотов парад,
На нижних рядах разносолы стоят.
Прибиты к забору отпавшие рейки,
Подвязаны к стойкам малинника ветки.
Наношены клюква, брусника, грибы...
А бабушке — всё не сидится «в избы»...
Едва рассвело — через хляби да грязи
За три километра в пекарню-магазин
Она с рюкзаком и кошёлкой ушла,
И ровно к полудню домой принесла,
Довольная, что «обернулась на раз»,
Хлеб, крупы, консервы — недельный запас...
Взяла табуретку, присела с дороги,
Ругая вполголоса спину и ноги.
Поела немного затем. И опять
Спешит свой ухоженный двор прибираться...
Берёзовых чурок, в обхват шириною,
Горушка — давно не даёт ей покою,

Илья Иконников родился в городе Онеге. Писать начал рано. Первое стихотворение появилось в районной газете, когда он учился в 5 классе. Внештатно сотрудничал с «Советской Онегой», стал её штатным корреспондентом (с 1993 г.). Поступил на филфак Поморского университета (1993). Работая в редакции, Илья Александрович получил и профессию лётчика. Автор шести поэтических сборников.

Они потемнели и сыплют трухой,
Однако крепки перед дряхлой рукой.
И осенью поздней, и ранней весной
Ведёт с ними бабушка бой затяжной.
Топор — за ударом удар... Незадача!
И вот, наконец, улыбнулась удача:
Пропитаны влагой, сдались нынче комли,
Крошась, разломились на грузные доли.
А доли — на дольки; из них, в свой черёд,
Поленца бабулин топор выдаёт...
И чурку стыдит она: «Эка колода,
Воюю с тобою четыре я года,
Давно бы, родимая, в печке сгорела,
Ещё бы и деда погреть ты успела,
Тогда-то, зимою, ведь был он живой...
Могла постараться, могла б для него!
А ты, окаянная, не захотела,
Решила лежать... Получай же за дело!
(Ударив по ней). А теперь мне одной
Колоть тебя надо, старухе больной...
Но я и с тобою, и с прочими — справлюсь,
На пятую зиму я вас не оставлю,
Уклад и порядок в хозяйстве храня...
Ох, Коленька-Коля! Зачем ты меня
Так рано покинул! Ничуть не зажился!...»
И я этот плач оборвать не решился,
И помощь моя — не добавила сил...
И долго о вдовьей судьбе на Руси
Я думал, скорбя о земле и народе,
В поморском селе, при нелётной погоде...

* * *

Полнозвёздное небо крещенское,
Обжигающий душу мороз.
Еле теплится жизнь деревенская —
Три окошка мерцают вразброс...

Саннный путь за угором теряется,
И «Бурана» извилистый след,
Но по ним, хоть дорогой считаются,
Никуда хода-выхода нет.

А под ветхими отчими крышами —
Люди тихой, простой доброты,
Уповая на милость Всевышнего,
Довершают земные труды...

Год, другой — и уже не потянутся
К небесам русских печек дымы,
И едва ль нашим внукам достанутся
Опустевшие эти холмы...

Но и зла мирового вершители,
Пролетая над мёртвой страной,
Не войдут сюда, как победители,
И следа потаённой обители
На земле не найдут ледяной!..

Лишь сполохи всё так же засветятся
То зелёной, то алой волной,
В бесконечные зимние месяцы,
Под Полярной звездой и луной...

* * *

Швейная машинка и гармонь —
Как приметы лада и достатка,
Прежнего, не нашего, порядка,
При котором жизнь — не под уклон,

А меняться к лучшему пошла,
Хоть и на недавнюю с оглядкой
Ту войну... И тульская трёхрядка
Первою покупкою была

Дедовой... Совсем ещё не дед —
Только отслужил, кудряв и молод...
Опоздал на фронт, но труд и голод
Горьких тыловых колхозных лет —

В отрочестве он познал сполна...
После службы — в кузнице работа,
И (семь долгих зим ждала с Балтфлота) —
Машенька, уже теперь — жена!

А машинка швейная в дому,
«Зингер», ей от матери досталась.

Сколько шилось и перешивалось
Детям, внукам, — ведомо ль кому?

...Не строчит машинка много лет:
В целости, в исправности — а толку,
Если дряхлой бабушке в иголку
Нитку даже с лупою — не вдеть?..

И гармонь трёхрядная молчит:
Гармонист — давно уж на погосте,
Сын же, что порой заходит в гости,
Ноту «до» от «фа» не отличит...

Но — не троньте! — бабушка хранит
И гармонь, и швейную машинку,
Бережно сдувает с них пылинки,
И тихонько с дедом говорит...

* * *

А.М. Симакову

Поднимаюсь в бескрайнее небо,
Под крылом — неоглядная Русь!
В миг такой — даже вспомнить нелепо,
Как мы ищем — урвать, что и где бы,
Или топим в вине свою грусть...

Разве можно бояться полёта?
И сумеет ли злой, хитрый тать
У крылатого с детства народа
Стать похитить, мечту и свободу? —
Никогда, — если будем летать!

Поднимите же, грады и веси,
От стаканов и кружек глаза
Ко крестам, что парят в поднебесье,
К облакам и манящим созвездьям —
Жить в России без неба нельзя!

А пока, прежних асов наперсник,
Я за вас эту службу служу,
И «борта» (я почти их ровесник!)
То с молитвой, то с русской песней,
Над хиреющим краем вожу...

«ВЕСНА ЕЩЁ ЗАКУТАНА В СНЕГА...»

* * *

Традесканция изгибается по своим законам,
Отличным от тех, по которым
Изгибаются жизни людей, прикивших к иконам,
И людей, прильнувших к цветным мониторам.
Здесь всё причудливей, одновременно — проще.
А нужны всего лишь земля да влага.
Почему же нам не хватает дождя над рощей?
Нет, ещё подавай перо и бумагу,
Войны, бессонницы, слёзы на впалой щеке,
Неясные муки на грани света и тени,
Бесхитрый этот цветок в горшке
На полке, рядом с томиками Монтеня...

* * *

Изломы крыш похожи на кардиограмму
Человека, который болен городом этим.
Сколько ни всматривайся в панораму,
Не найдёшь ничего удивительнее на свете,
Чем арки, чердаки и антенны,
И слуховые окна, через которые небо слышит,

Елена Николихина родилась в городе Онега Архангельской области, живёт в Северодвинске. Закончила Московский издательско-полиграфический техникум по специальности «корректирование книг и журналов», факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работала в редакциях газет «Советская Онега» («Онега»), «Северный рабочий»; в издательстве «Северная неделя» (ответственный секретарь и обозреватель газеты «Вечерний Северодвинск»). Автор поэтического сборника «Светлый ветер» (Архангельск, 2002).

Как дышат тяжёлые старые стены,
Как город за стенами дышит.
И небо держат не атланты, не шпилы собора,
Не деревья, в которых северный ветер веет,
А этих крыш сердечные переборы.
Посмотри, прислушайся, — там, где душа, левее...

* * *

Весна ещё закутана в снега.
И я ещё обиду не простила.
Но мне минута эта дорога.
Её я долго холила, растила
Из вечных вьюг, из судорожной стужи,
Из сумерек сомнений и утрат.
И этот миг мне, как природе, нужен,
Когда морозит с самого утра,
Но в полдень солнце тихо пригревает
И слышится несмелая капель.
И радость рождена. Она живая.
И ей готова чистая купель.

* * *

Одиночество — это когда очертания сосен становятся чётче.
Когда хочешь помолиться, но не помнишь дальше,
чем «Отче...»

Кресты на церквах от ветра, видимо, покосились,
И перестали звонить те, кто вчера ещё в гости просились.
И тебе самому ни к кому не хочется в гости.
Разве что к тем, кто давно уже на погосте.
Трава пожелтела, живёт ожиданием снега,
Не замышляя ни воскрешения, ни побега.

ГОРОДСКАЯ СУМАСШЕДШАЯ

В нелепых — на два размера больше — ботинках.
В шапочке, связанной безумным авангардистом,
Бормоча себе под нос, она всю ночь рисует картинки.
А наутро листочек опять окажется чистым.
Так же странно исчезает всё нажитое годами:
Кошкино блюдечко, полотенчишко с медвежонком...
Она и сама хотела исчезнуть. Но над её следами
Ангел кружит заботливо с лампой зажжённой.

Значит, завтра на улице снова окликнут, назвавши дурой.
Посмеются или просто покажут пальцем.
А вечером ангел ботинки её расшнурует,
И она с головою укроется стареньким одеяльцем.

* * *

Нет, человек не одинок. А одинок тот лист,
Что прямо с ветки — в никуда, хоть я его зову...
Будь ты трубач, будь трубочист,
Всё только дым и звук.
Но человек не одинок. Ведь в этой пустоте
Есть у него и дым, и звук. И память о листе.

Ангелина Прудникова

«Я ПРОШЛА ДВИНУ И ЕНИСЕЙ...»

МОРОШКА

Ягода-морошина,
Ты ли не в чести? —
Ты на Север брошена
Из святой горсти...
Тёмными болотами
Вдруг поманит глаз

Ангелина Прудникова родилась в деревне Конецдворье Приморского района. Закончила в Северодвинске Севмашвуз, работала инженером-конструктором на кораблестроительном предприятии. Стихи сочиняла с 16 лет, прозу начала писать в 33. Член Союза писателей России (1995). Автор 10 книг стихов и рассказов, вышедших в Архангельске. Окончила филологический факультет СФ ПГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуру (по специальности «Русский язык»). В прошлом — редактор и издатель 2 литературных газет, редактор и издатель ряда книг северодвинских литераторов. Живёт в Северодвинске.

Грань твоя золотная,
Моховой алмаз.
Сторона унылая
Свету не страшна:
Солнечною силою
Ты напоена.
Сладкая да вкусная? —
Не могу сказать.
Жизненная, хрустящая —
Хлебушку под стать!
Потому-то загодя
Люд из года в год
Золотую ягоду
Про запас берёт.
И не зря красуется
В золотом меду —
С ней перезимуется
Веселей в дому!
А вольна морошина
От тоски спасти —
Потому что брошена
Из святой горсти.

* * *

Ах, как хочется праздника!
Хватит «горе страдать»:
Позабыться, расслабиться,
Свой наряд разыскать,
Потянуть из хрустального
Золотого вина...
В жизни много печального —
Да не наша вина.
Так и в годы суровые —
Затемненье, свеча —
Веселились бедовые,
Каблуком топоча.
Чем беда неотвратнее —
Вот, стоит у ворот, —
Тем ещё безогляднее
Веселится народ:
Урывая минуточку, —
В звуке вальса нестись,

Чтобы песней да шуточкой
От безумья спастись!..
Ах, как хочется праздника —
Этой брешы в стене
Серой, каменной, грязной —
Как
Передышки в войне.

БАНЯ ПО-ЧЁРНОМУ

Сенцы — сухие, холодные.
Дверь поддаётся, скрипя.
Стены копчёные, волглые.
Слёзы смолы-янтаря.

Каменка — грудой бульжников.
Меденик: в нём кипяток.
Жаром бульжники выжжены.
В бочке, в углу, — холодок.

Лавки, скамейки, оконышко,
Два нешироких полка.
Выпарят хвори до донышка
Заговор, веник, рука.

Чёрная баня — да чёрная ль?
Вымоет — снега белей.
Белоголовой девчонкою
С бабушкой парюсь своей.

Бабушка старая, грузная,
С ласковой силой в руках.
В ковшик нашепчет напутствие:
«С Гелюшки — вся худоба!»

В бане — и сказки, и вымысел,
Древность — и новый сюжет.
Если однажды в ней вымылся —
Век сохранишься от бед.

Где нынче баню затопите?..
Видно, сияли не зря
В баньке на бархате копоти
Слёзы смолы-янтаря...

ЯЗЫЧЕСКОЕ

Стою в лесу, перед сосной, одна —
Огромной, величавой, в три обхвата, —
И ей кричу бессвязные слова —
Что я во многом в жизни виновата.

Я есмь в миру — и есть в лесу она,
Мы обе есть, и в жизни мы — подруги.
И я, прижавшись к ней — к коре щека,
Тяну к ветвям изнеженные руки.

И слёзы лью — ручьём бегут они —
О бедах всех и всех земных печалях.
А по коре, шершавой от морщин,
Бежит смолы слеза, что изначальна.

Ревём порознь: взахлёб рыдаю я —
Тягуче точит слёзы леса житель.
Я всё о ней — она всё про меня,
И нам двоим не нужен утешитель.

Тянусь я ввысь, куда уходит рельс
Её ствола, теряясь в кроне где-то...
Она глядит, почти из-под небес,
На тень мою, похожую на ветку.

Винюсь пред ней, что так легка, быстра —
Хожу, спешу, всё в жизни пропускаю.
Она молчит — о том, что, хоть стара,
Но у неё — надёжная кора,
Мне пережить её — тщета пустая...

* * *

Я стою на остановке и жду автобус.
Я стою в конце длинной широкой улицы.
Я стою на краю небольшого города.
Я стою у залива Белого моря.
Я виднеюсь у кромки Ледовитого океана.
Я — комарик на шарике земляной планеты.
Я скольжу по орбите вокруг Солнца.
Я вращаюсь в звёздном хороводе.

Я — часть Галактической системы.
Я — пыль разбегающейся Вселенной.
Это всё со мной одновременно происходит.
А ведь я — лишь стою на остановке.

* * *

А купалась я в шести морях
И всего лишь в трёх из океанов.
Велика так родина моя —
Не объедешь сразу, как ни странно.

Знаю пики четырёх хребтов
И долины Псоу, Чульшмана.
Шла на вёслах сáлмой Соловков
И Телецкое пересекала.

Ждёт меня вся прочая земля.
Ну а где ж дорога начиналась? —
С острова Конешного, где я
В речке Каме вёслами плескалась,

Лазала с восторгом на зарод
И на крышу бабкиного дома...
И меня там, что ни лето, ждёт
Всё, что сердцу близко и знакомо.

Я прошла Двину и Енисей,
Я пройду ещё дорог немало,
Но всегда стремлюсь душою всей
К той реке, откуда начинала.

Владимир Ноговицын

«МНЕ БЫ ДЕДОВУ ПЕСНЮ ДОПЕТЬ...»

ПИЖМА

Я, живущий,
Никем не обижен,
Всё мне кажется — много могу.
Наблюдаю соцветия пижмы
На широком речном берегу.

Я тут свой, и до каждого вдоха
Оставаться навеки своим.
Ощущаю, как бьётся Эпоха
Парусами над домом моим.

Я, живущий, не чувствую лишним
Яркий цвет, он не знает границ!
Мне отсюда отчётливей слышно
Пролетающих пение птиц.

И видна, разумеется, свыше,
Где бегут, торопясь, облака, —
Желтизна самой солнечной пижмы.
И осенняя эта река...

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

Мне бы дедову песню допеть,
Только слов этой песни не знаю.
Мне б прижаться к нему
И уткнуться в плечо головой...

И, взрослея,
Его я себе наяву представляю,
Как он в избу заходит.
Счастливый. Здоровый.
И — свой!

Чтоб деревня, не веря тому,
Очумев, зашепталась.
Чтобы наша родня
Повалила увидеться с ним.

...Может, эта мечта
По-наследству мне кровно
Досталась
От отца моего
Всем дальнейшим
Потомкам моим.

ПУЛЯ

Эта пуля
Не в меня летела.
Не в меня
Попасть она хотела.
В сорок первом?
Или в сорок третьем?
Не жил я тогда ещё
На свете!
Не в меня!
А в паренька-солдата.
Выстрел пулемёта?
Автомата?
А боец, верней сказать,
Солдатик
Кутался в видавший виды
Ватник,
Или притаился рядом

С елью,
Принакрывшись
Грязною шинелью.
И держал — как знать —
Наизготовку
Со штыком
Заржавленным винтовку.
А с болота сильно холодило.
Паренька навечно зацепила
Пуля та.
Навылет просвистела.
...Вот такое, понимаешь, дело.
Ель сгнила.
Потомкам в назиданье
Найдено свинцовое посланье.
Много у Синявинского леса
Скоплено военного железа!
...Дождевой апрельский
Долог морок.
Слышу чутко
Каждый звук и шорох.
Здесь война
Проходит стороною.
Мир стоит над Русскою стороною.

ПЕЧАЛЬ

Здесь я стал
Совершенно другой —
Беспокойный и всё-таки тише,
Как солдатик безусый под Мгой
На беду в сорок третьем погибший.

Он лежит, где другие лежат,
На высотке и просто в болоте.
Неизвестный — навеки! — солдат.
А по имени — как назовёте.

Остальные там тоже не в ряд,
Где бессчётно их смерти застали.
...Беспокойные ветры молчат
В знак особенной —
гордой —
печали.

ОЩУЩЕНИЯ

До моего рождения двадцать один год.
Месяц октябрь снежно в дома просится.
А война началась, война всё ещё идёт,
И ощущение: она у нас не закончится.

Я, возможно, в догадках своих не очень прав.
И через годы, став намного взрослей и старше,
Понял: моя страна, тревогу сыграв,
Так и не знала больше мирные марши.

Я сейчас назначаю себе один выходной.
Не затяжной, а лишь до ночного часа.
Может, и я наследственно болен войной,
С которой придётсЯ когда-нибудь возвращаться.

ПЕРЕД БОЕМ

Знаешь, как пахнет
Земля перед боем?
Пахнет она
Тишиной и покоем.

Мы же в неё
Тяжело и покорно
Сеем себя,
Словно лучшие зёрна.

Чтоб через нас
В тёплом утреннем свете
Травы росли...

И на все многолетия,
Чтобы земля
Оставалась зелёной,
А не чернеющей,
Не обожжённой.

СЕЛЬСКИЙ ГОВОРОК

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

С течением лет я всё чаще
На старый вокзал прихожу
И вслед поездам уходящим
С потерянным чувством гляжу.

Как будто низвергнутый с трона
В эпоху суровых годин,
В гудящей толкучке перрона
Стою, как в пустыне, — один.

И память объёмистой ношей
Ложится на плечи, как ночь.
И даже носильщик не может
Мне в эти минуты помочь.

ГАРМОНЬ

Детство мигом к тебе вернётся,
Струны памяти только тронь...
У калитки отец смеётся,
А в руках у него гармонь.

Гармонистом был не из лучших,
Больше слушать других любил.
Но едва подвернулся случай —
Для меня он гармонь купил.

Мой талант оказался скромен,
И, отправившись в первый класс,
На дарёной отцом гармонии
Я играл лишь «собачий вальс».

Был родитель вполне доволен,
Лишний раз не читал мораль:
«Ну, подумаешь, не Бетховен,
Но и хромка ведь — не рояль!»

Я освоил не только вальсы
И порой веселил селян.
За порогом седьмого класса
Мне отец подарил баян.

ДОМОВИНА

Мой дед не знал ни праздности, ни лени,
Пахать и сеять был большой мастак.
Я помню эти руки на коленях —
Сквозь кожу жилы выпирали так,
Что видно было в них движение крови,
А дед шутил: «Подумаешь, беда...».
Он к смерти каждый день себя готовил,
Поскольку в жизни всякое видал.

И дал наказ приехавшему сыну,
Кривя в усмешке свой беззубый рот:
— Сооруди-ко, Федя, домовину,
Чтоб после смерти не было хлопот.
Пора готовить новые хоромы.
Ну, сколько можно небо-то коптить!
— Да что ты, батя, сам себя хоронишь?
Тебя ещё и ломом не убить...

Упрямый дед недолго сына слушал:
— Ты, Фёдор, не пори мне ерунду.
Товарищ Сталин отдал Богу душу,
А мы с ним родились в одном году.

Вон на Покров-то хоронил я друга —
Для гроба не хватало матюгов...
Да чё там тарыхтеть, когда в округе
Ни досок нет, ни дельных мужиков!

Перечить батьке не было охоты,
И Фёдор подчинился: «Сей момент!» —
Со знаньем дела взялся за работу
И начал править нужный инструмент.
А дед обшарил сени глазом зорким
И, почесав задумчиво висок,
Полез по закоулкам и задворкам
Решать вопрос с наличием досок.

...И наконец готова домовина
Как результат полдневого труда.
Сын разогнул натруженную спину
И громко крикнул: «Бать, иди сюда!»
Тот вышел на поветь, поддёрнул брюки
И тут же оценил сыновний труд:
«Вот это Федька!.. Золотые руки!
Видать, отколь положено, растут!»

Он отходил и возвращался снова
И вдруг, прищутив хитрые глаза,
Проворно лёг в дощатую обнову
И не спешил оттуда вылезать.
И снизу вверх поглядывал на сына
С восторгом, будто в рай достал билет...
Конечно, пригодилась домовина,
Но только через девять с лишним лет.

СЕЛЬСКИЙ ГОВОРОК

В прохладной северной глубинке,
В пыли просёлочных дорог
Для горожанина в новинку
Певучий сельский говорок.

Иному гостю из столицы
Напрячь придётся интеллект,
Чтобы хоть как-нибудь «врубиться»
В наш самобытный диалект.

В любом житейском разговоре
В начале слова ли, в конце,
Ничуть с грамматикой не споря,
Че произносится как цэ.

— Привет, цюмазый!

— Добрый вечер.

— Цего химицишь-то?

— Да вот...

Одно муценье нынче с пецью,
Циню, циню, а цад идёт.

— Цюдак! Цем так себя-то муцить,
Ты вынь-ко пару кирпичей...

— Вот целовек!.. Всё уцит, уцит,
А сам не склал и двух пецей.

— Не горяцись... Зато советом
Всегда помощь соседу рад.

— Не заскуцяшь с таким соседом...
Пошёл ты к цёрту, пецеклад!

И я готов признаться честно,
Что нет мне дела до печи,
Но этот говор, словно песня,
В моём сознании звучит.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Какой восторг в глазах у малыша!
Так радоваться могут только дети.
Отважился он сделать первый шаг
По нашей неустроенной планете.

И, не поверив в собственный успех,
Смотрел вокруг растерянно и робко.
Хотел продолжить путь, но не успел
И, покачнувшись, шлёпнулся на попку.

О первый шаг! Любой стези исток.
Пусть неуклюж, беспомощен, короток...
Мы помним сотни пройденных дорог,
А первый шаг едва ли помнит кто-то.

Владислав Попов

СНЕГ

* * *

Всё мне видится, слышится прежнее:
Шум осенних озябших берёз
И в дожде твоё платьице нежное
На аллею, промокшей до слёз.

Всё мне видится, слышится, помнится —
Ничего я забыть не смогу,
Когда солнце осеннее клонится
В золотую незрелую мглу.

Когда ветер, с полей прилетающий,
Мягко вздует рубашки рукав,
Когда дремлет вокруг угасающий
Запах лета и тлеющих трав.

Всё мне видится, слышится, помнится,
И в тумане предзимних ночей,
Ах, зачем эта боль и бессонница?
Я грущу, словно плачу о ней...

ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Земля раскрыта резвым плугом,
Вся наизнанку, до корней.
Она глядит почти с испугом
На звёзды первых зимних дней.

Она глядит, едва ли дышит,
И небо галочье над ней,
Когда умолкнет, станет ближе,
Понятней, проще и родней.

Потом подмёрзнет. На развалах
Синеет утренний мороз,
И лёд хрустит под клювом галок,
Клюющих вымерзший овёс...

СНЕГ

Снег подвалит, впорхнёт за порог,
Заструится в дверях, закружится.
Дом сенями пустыми продрог,
Он молчит, побледневший — не спится...

Голубое к востоку окно
Снегом тает, всё в капельках пота.
Как промытое небом пшено,
Липнет снег к голубым переплётам.

А на западе, в пятнах огня,
Конопатые, в солнечных мушках,
Золотые окно и стена
Тонут в белых лохматых подушках.

Через край, в золотой окаём,
Снег летит с вышины, и навстречу
Тень от снега летит за стеклом —
Тонет дом в этой вьюге по плечи.

И в вечерней кружась глубине,
И любясь своим отраженьем,
Падал снег в полусне, в тишине
И захватывал сердце круженьем...

* * *

Пререкается солнце с дождём.
Впрочем, это всё та же влюблённость:
Только тешатся эти вдвоём,
Только плачут, от ссоры опомнясь.

Дождь бузил и гремел — ни к чему!
Расцелованный в лоб и в макушку,
Он от слёз сиганул в бузину,
Он зарылся в неё, как в подушку.

Он рыдал и смеялся подчас,
Он немел, задыхаясь от муки,
Он с отёчных корней брызгал грязь
На зелёные платья и руки.

Он качался в бузинных ветвях,
Глянцевал вырезные короны.
Он всё знал
и ваял второпях
Эти радуги, своды, колонны.

Он дарил, выбиваясь из сил,
Выдувая до капли последней,
Синеву разведённых чернил
Окнам кухни и окнам передней.

* * *

Всё непрочно в день осенний.
Налощённые тропинки
Светят глиной. С глиной в сени
Пробрались с утра ботинки.
Принесли листок осенний,
Горстку капель, запах глины.
Неотвратность изменений
Принимается отныне!
Час назад сверкало в раме,
Тени были длинны-длинны,
Свет огнистый лез лугами
Через изгородь в рябины.
Всё зажёл и всё ославил.
Ветерок сухой и свежий

Нёс горелыми кустами
Холодок всё реже-реже.
Час прошёл — и прогорело.
Солнце в тучу закатилось,
С неба капнуло несмело,
А потом дождём залилось.
Через день всё почернело.
Лист рябины — бурый, грязный —
Полетел, оторопелый...
Всё непрочно в день ненастный.

ГОРЕНКА

В горенке нашей простыни смяты,
Стылая бродит луна.
Разве с тобой мы сейчас виноваты?
Знаешь ли ты, в чём вина?

Звёзды осенние с холодом зимним
В наше окно забрели,
Но лишь одна, в зелёном и синем,
Нам улыбнулась вдали.

Спи, моя радость, ветер рассветный
Поздние звёзды задул.
Кто как не ангел, высокий и светлый,
В наше окно заглянул.

Скоро осенние ранние вьюги
Снегом укроют поля.
Как же мы будем с тобою в разлуке,
Тихая радость моя?

«БЕЗЫСХОДНОЕ НАШЕ РОДСТВО...»

* * *

По утрам тяжелеют обычные вещи,
даже чашку из шкафа с трудом достаю.
И оборванный сон представляется вещим,
и качается мир,
и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
Я огонь разжигая в печи,
и во мне
от живого тепла разбегаются тени,
поднимается день,
будто тесто в квашне.

Набухает, ползёт
и становится хлебом
под моими руками
привычно обмят.
И крошу, и ломаю его на потребу,
а к полуночи охну —
он был или не был? —
но плывёт над землёю его аромат.

* * *

По снегам осторожно ступая,
проминаю дорогу вперёд,

а зима вслед за мной замедляет
и тропинку, и лето, и год,
словно лепит пространства иные,
где не будет случайного дня,
и тревожно былинки сухие
из-под снега глядят на меня.
Их пугает неясная доля —
переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
наклонюсь и его обниму.
Буду гладить ладонями травы,
не расстанемся — корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
от любимых российских равнин.
Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
как младенец, на женских руках.

МОЛИТВА

Забудь моё имя.
Пускай растворится, как дым.
И голос возьми —
Ни к чему бесполезная песня.
Позволь хоть снежинкой
Кружиться над лугом моим,
Над речкой и полем —
Над всем этим краем безвестным.
Пускай не у моря,
Мне только б смотреть с высоты
На эти дома,
на ушедшие в небыль деревни,
на лес поредевший,
стоящие насмерть мосты —
они, как часовни, застыли
в молении древнем.
Позволь мне остаться
На стрелке затерянных рек
Песком или камнем,
Прибрежною белою глиной.
Не дай отступить,

Когда отступается век
И прадед молчит,
Укоризненно глядя
Мне в спину.

* * *

Не буду сегодня
Косить одуванчики —
Пускай поживут хоть три дня.
Пускай огородник,
Вздыхая: «Пораньше бы»,
Сурово осудит меня.
Он сразу оценит
Моё легкомыслие —
Хозяйству грядущий разор.
Добра мне желая
По-своему, искренне,
Солидный начнёт разговор.
Потом замолчит:
«Что, мол, с дурочкой сделаешь?
И так-то хватает забот...»
А я засмотрюсь,
Как под яблонькой белою
Живой одуванчик цветёт...

* * *

Безысходное наше родство
С каждым камушком возле дороги,
С бугорком, приютившим его,
С родником у часовенок строгих,
С прежним полем и старым мостом —
И взглянуть невозможно без грусти —
Не отложишь любовь на потом.
Не уйдёт. Не пройдёт. Не отпустит.

«Я УМРУ, НАВЕРНОЕ, СЧАСТЛИВЫМ...»

* * *

Герр Питер, здравствуй! Вот и снова я
явился, запылившийся отчасти,
чтоб твоего отведасть сентября
и умереть немедленно от счастья.
И тихо плыть — да, плыть, а не идти —
по Невскому, с течением не споря.
И оказаться там, куда пути
приводят все, а именно — у моря.
Здесь, где мы жгли костры из плавника,
роскошным яхтам нынче берег тесен.
Заставь, как говорится, дурака
молиться морю — результат известен...
В моей руке кленовый жёлтый лист.
В янтарной тишине мы с ним собратья.
Мы не любви — судьбы с ним дождались,
и осень распахнула нам объятия
предснежные... Мой путь — по островам.
Мосты прекрасны, как крючки вопросов,
разжатые в тире. И все тире

Валерий Чубар — журналист, прозаик, поэт. Закончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета (1984). На радиостанции «Поморье» в Архангельске работал корреспондентом, обозревателем, руководителем информационно-публицистического творческого объединения, ведущим программы. Лауреат журналистских премий. Почётный радист России (2002). Автор четырёх поэтических сборников, четырёх книг прозы и инсценировок. Произведения печатались в архангельских литературных журналах и альманахах. Стихи переводились на финский, шведский и норвежский языки. Роман «Следующее поколение» (1994) отмечен Всероссийской премией «Старт». Сборник повестей и рассказов «Конюшня Анны» (2002) удостоен Всероссийской литературной премии им. Ф. Абрамова. Роман «Сон на закате» и драматическая поэма «Братья» получили областные премии в сфере культуры и искусства.

указывают на Елагин остров.
У белок там горячая пора,
и мыши тоже делают запасы.
И дуб, что помнит времена Петра,
навис над белокаменной террасой.
Повсюду жизнь. И ей ли замечать
моей души печальные доспехи!
Что делать мне? Да попросту раздать
я должен белкам грецкие орехи.
А вот уже и белка: тут как тут!
И я от восхищения немею,
протягивая свой орех зверьку
торжественно, как глобус Птоlemeю.
Отсюда море мне не видно, но
оно неподалёку. Впрочем, вскоре
мне, торопясь — становится темно, —
направиться придётся прочь от моря.
Назад, туда, где, как сказал поэт,
вершится всё весомо, грубо, зримо.
Где вечен гнёт суждений из газет
«времён Очаковских и покоренья Крыма».
Где ново всё — и всё неново. Ум
и горе от него давно известны...
Опять вокруг меня привычный шум,
опять я погружён в бурлящий Невский,
но зорек взгляд мой, устремлённый вверх, —
там купол Дома книги над толпою
стеклянный шар приподнял — как орех,
повисший между небом и землёю.

* * *

«Лебеди!» — «Где, где?!» — «Да вон, над нами!»
Погоди с растопкою возиться,
погляди, как сильными крылами
в небеса себя возносят птицы.
И летят — красивые настолько,
что смеяться хочется и плакать.
Радужно сияющим осколком
сохранит минуту эту память.
Я умру, наверное, счастливым:
помню я, как лебеди летели.
Если наши души так красивы —
стоит ли печалиться о теле?

«И ЛАРЧИК РАСПИСНОЙ ЗАХЛОПНУЛ КРЫШКУ...»

* * *

И ларчик расписной захлопнул крышку,
Похоронил сокровище своё.
Шершавый ветерок проворной мышкой
Обнюхивает жалкое жильё.

Снега сошли. Билибинские сини
В сырые подворотни уползли.
Колокола сиреневых глоксиний
Заглохли в нафталиновой пыли.

И ты стоишь средь неба и бурьяна,
К дверям закрытым прислонив батог...
Скрепит песок в суставах деревянных,
Мой низколобый, дряхлый городок.

И что тебе — мои любовь и память?
Их ливни смыли, с корнем выжег зной.
Чернеют под дождём резные ставни,
Захлопнул крышку ларчик расписной.

Тёмный омут, берег тинный... Там, под ивами, в тиши
 Кукол делала из глины, из травинок — шалаши.
 Помню, мнёшь в руке да гладишь маслянистый катышок,
 С зеленцою мокрый мякиш — вот и кукла-голышок.
 Светлый лес покойно дремлет. И светло, покойно мне.
 И казалось, что и время спит на омутовом дне.
 Но клонился день к закату, и просились в шалаши
 Мои славные ребята — глиняные голыши.
 Но взаправдашно-живыми были дочки и сынки.
 Как я плакала над ними, сиротинками моими,
 У темнеющей реки! Уходила в слёзы сила.
 Сон всё ближе, боль — слабей.
 И я Боженьку просила: «Деда, деток пожалей».

ДО НЕБА

До самого неба бежать спозаранку!
 Не слыша зазывных охранных молитв,
 С угора сигать в световое пространство,
 Нырять в запредельность озёрных мокитр
 Теряться в распластанном мире бесследно.
 Какую-то тайну пытаться постичь,
 Пугая стрекоз и кузнечиков медных,
 Пугаясь внезапности утренних птиц.
 Качаться от ветра, как жиденский стебель,
 Не чуя ни корня, ни мокрой земли,-
 И таять взаправдашним облаком в небе —
 Ни зов, ни молитвы достать не могли!
 А бабка стращала змеиною кочкой,
 Цыганами, порчей, лесным лешачьём.
 Но беленький крестик на тёмном шнурочке
 Отважно попрыгивал: всё нипочём!
 А бабка крепила сухими перстами,
 От сна отгоняя и туки, и гнёт:
 «Как к хлебу и соли ничто не пристанет,
 Так к нашей Маринке ничто не прильнёт».

Что осталось, мой друг, нам с тобою?
 Ворох листьев да груды песка...
 Да вечерние гуды гобоя,
 На котором играет тоска.

Эти долгие низкие гуды
Из безлюдных скалистых миров —
Нестерпимей слезливой простуды,
Неотвязней нытья комаров.
Скука марта... ах, как всё знакомо:
Небо жидкое, клейкий снежок.
И гудит над весенним погромом
Этот сиплый английский рожок.
Как роднит он с бездонным сиротством,
С миром брошенным, с небом ничьим.
Что ещё нам с тобой остаётся?
И сидим, и молчим. И молчим.

* * *

Я любила запах лилий,
Омут с белою звездой.
Мы в краю небесном жили
Над коричневой водой.
Был наш дом высок и тёмен,
Полон шорохов ночных.
Тишиной шуршали в доме
Тёплый Дох и мягкий Дых.
Под окошком шастал кто-то —
Пело скрипами крыльцо,
И стучало о ворота
Сердцевидное кольцо.
«Кто там?» — кто-то был — и сгинул.
За окошком — горстка звёзд.
Только Васька горбит спину,
Всё шипит и дыбит хвост.

* * *

Давай уйдём, куда-нибудь уйдём —
В леса лучей и платиновых лезвий,
Пока слюдится дождь под фонарём
И пёс бездомный греется в подъезде,
За семь небес, за тридевять созвездий
Давай уйдём — куда глаза глядят. Глаза глядят
В лицо твоё. В лицо вселенских бедствий.
В слюде дождя младенчество маслят.
Давай уйдём, и тоже станет греться
В добре желательств, душ и соседствий,

В добре дождя. Окно в дожде, и в раме белый свет.
Какой пустяк: любить и всё отсрочить.
Прикинуть детством к скважине замочной,
Чтоб разгадать пергаментный секрет.
Тебя узнать в далёкой чёрной точке
И ждать сто лет.
И ждать, и трогать крашенный косяк,
Пучок хвоща и ягоды в корзине.
И посекундно видеть каждый шаг,
Как мокрый мостик под тобой пружинит
И липнут к брюкам катышки полыни.
Какой пустяк!
Уснуть в лесах созвездья Близнецов,
И в тридесятом царстве двуединства
Смотреть вселенской радости в лицо,
И никуда уже не торопиться.
Легонько гладить кончиком мизинца
Твоё лицо.

ВАРВАРА

Сугробов ветрами надуло до крыш.
В замёрзшем пруду спит лягушка-царевна.
Здесь нет благодати да глади. Но тишь
И глушь здесь такие, что страшно. Деревня.
Пылятся в чулане хомут и узда.
Каурка издохла, заглох колоколец.
Лишь торит тропинку в сугробах нужда —
Седая Варвара бредёт на колодец.
Искусно её было сшито пальто,
Да нынче изношено, молью побито.
А ей всё едино — что воля, а что...
Старик на погосте, разбито корыто.
Что дождик, что вёдро, что колкий снежок...
Ей всё неотвратной бедой отзовётся.
И снова скрипуче и хрипло: «Дол-жо-ок!» —
Со скрипом бадейки ползёт из колодца.
Бесстрастного страх не изменит лица —
Все лиха, все грозы стряслись над Варварой:
Уж ей ли страшиться той сказочки старой?
Добраться бы с ношей живой до крыльца!
Да Муське, душе разъединной-одной
На всём белом свете,-

Тех щец, что прокисли...
А небо смеркается над головой,
А снег всё летит, неотвязный, как мысли.
И горбят заботы, как ведра с водой
На чёрном от века её коромысле.

СОСНА

Это было когда-то — не помню когда:
Я ходила на ключ за водой.
И была ледянее январского льда
Та вода под сосною седой.
Волосами свисали косматые мхи.
На стволе каменела слюда.
Смоляные лодчонки сухой шелухи
Уносила беглянка-вода.
Всей дремучестью хвойной от хвори и зла
Свой родник укрывала она.
Я такой же дремучей и верной была,
Как и эта седая сосна.
Молчаливость моя ей была по душе.
И, хрустя муравьиной трухой,
Я несл в золотом берестяном ковше
Ледяное питьё с шелухой.

Ирина Кемакова

СВЕТ ЗОЛОТИСТОГО ПОЛДНЯ

НЕ СКРИПИ, КОРОСТЕЛЬ

Не скрипи так тревожно в ночи, пастушок-коростель:
Нынче нет косарей, что жарки на твои палестины.
И Петровки прошли — на лугах разнотравных пустынно,
Только ветер, качающий сныть, поднимает метель.

В деревушке осталось всего-то с десяток дворов,
И скотину столетним старухам держать не по силам.
— Я на том пятаке для Бурёнушки сено косила....
— Выгоняли на пастбище раньше полсотни коров...

Ни костров, ни остожий, ни пастбищ — старухам — куды?
Не слышать над покосом теперь голосов человеческих.
Только тянутся к небу кипрея зажжённые свечи,
Да клубится в низинах кадила незримого дым.

Неразбавленно-крепко июльский полынный настой
На просёлках, где раньше исправно пылили «Колхиды»,
Коростель будет голосом сиплым служить панихиду —
Неизбывную горечь по жизни крестьянской простой.

На кассетнике старом опять нажимать на «репит»,
В иступлении слушая песню про «травы по пояс».
Это тоже пройдёт — понимаю, едва успокоюсь.
Не тревожь ты старух, не трудись, коростель, не скрипи...

ВЕРЕТЁНЦЕ

На рассвете первый лучик искру высек,
Заплясали в детской зайчики от солнца.
За работу села пряха в горних высях:
Крутит, крутит между пальцев веретёнце.

Веретённышко гудит, и льётся нитка —
То гладка, ровна, то путана, колюча.
Так и жизнь: и бед, и радостей с избытком,
То логично всё, то всё решает случай.

А бывает так: ударит жизнь с размаху,
Вот чуть-чуть ещё — ломаешься, как прутик.
Но без устали невидимая пряха
Веретёнце день и ночь меж пальцев крутит...

Ирина Кемакова живёт в Архангельской области. Закончила факультет филологии и журналистики Поморского университета. Второе образование — детский психолог. Более 20 лет работает учителем русского языка и литературы в сельской школе. Пишет стихи, рассказы, очерки. В 2017 году была принята в Союз писателей России. Автор трёх поэтических сборников. Стихи и рассказы Ирины Кемаковой публиковались в журналах «Двина», «Лад», «Лава», в альманахе «Брусника», в «Антологии современной русскоязычной поэзии».

И бежишь по белу свету без оглядки,
Дело кончится, а новое начнётся.
Но в часы затишья редкого мне сладко
Слушать мерное жужжанье веретёнца.

Суеты с годами меньше, путь отлажен,
Но душа на чувства всё ж не оскудела.
Только мучает вопрос: а сколько пряжи
Для меня осталось в пряжиной кудели?

ВСЁ ПО СТАРИНКЕ

Всё по старинке: добротню, тепло, сообща.
Ужин за крепким столом в немудрёной посуде,
Чёрный чугуничик густого мясного борща,
Миска глубокая с трещиной в старой полуде.

Жарко натоплено, душно в крестьянском дому,
С фото на стенке глядит на семейство божатка,
В рамках — гуденье осенних назойливых мух,
Тонко свистит самовар у печного жаратка.

Хлеба ломоть подставляешь под ложку — и в рот
Тащишь на пару с сестрёнкой похлёбку из миски.
Спят на лежанке трёхшерстная кошка и кот,
Слушаешь походя речи неспешные близких:

О поросёнке — к Покрову бы надо забить,
Об урожае, о хлебе, коровушке стельной.
Всё хорошо и привычно, но душу свербит
Тайная мысль о тарелке — не общей, отдельной.

Долго ли будем из общей посуды хлебать
С мамой, сестрёнкой и папой, бабулей и дедом?
Прошлый же век! Ничего не хотят понимать!
Целым колхозом из миски совместной обедать...

Вот и сбылось. Только это хотелось ли мне?
Взрослая жизнь, и желанья — практичны и мелки.
В собственной светлой квартире сажу в тишине,
Стынет нетронутый ужин на личной тарелке.

СВЕТ ЗОЛОТИСТОГО ПОЛДНЯ

Лишь недавно, тоску навевая, метели мели,
И казались мечтою несбыточной мысли о лете —
А теперь басовито гудят золотые шмели
И тревожат душистого хмеля тяжёлые плети.

Безмянный портной, обедая миллионы лекал,
Белой ночью из шёлка зелёного выкроил листья,
Что, сверкая под солнцем полуденным ярче зеркал,
Множат свет, ароматом дурманят медово-смолистым.

Поднимая пыльцу, ветер в поле волнует траву,
Будто пена морская, пушистые зонтики сныти,
Юркой ящеркой день промелькнёт, словно сон наяву,
На прощанье качнувшись на радужных солнечных нитях.

И опять окунусь без оглядки в поток суеты,
Но когда-нибудь вспомню и свет золотистого полдня,
И метельные зонтики сныти, и хмель, и листья —
Как подарок бесценный короткого лета Господня.

НА СТРАСТНОЙ

Опять на Страстной зажиреют суглинки: распутица
Смешает в растворе и талую воду, и грязь.
У бани осевшей, на солнышке, верба распустится,
Ночами отчаянно с воздухом стылым борясь.

А снег ноздреват, как кусок рафинада искристого,
Что дед доставал из кармана в крупинках махры.
И ждётся, и в лучшее верится искренне, истово,
И жизнь пробуждается почкой из грубой коры.